

Проекту «Фестиваль “Бунинские Озерки”» десять лет. Светлана Александровна Сионова с момента восстановления дома-музея в Озерках стала его хранительницей. И когда в 2015 году фестиваль впервые гулял в Озерках, она на пороге дома встречала гостей. Сколько она провела экскурсий в доме-музее? Да разве это сосчитать! Подвижничество, энтузиазм и бесконечная любовь к творчеству И.А. Бунина. Светланы Александровны не стало летом 2020 года — она не дождала несколько месяцев до празднования 150-летия со дня рождения своего кумира. Так и осталась в нашей памяти бегущей вдоль поля подсолнухов в музей, чтобы всю себя дарить людям. Здесь мы помещаем стихотворение местного поэта Юрия Макарова, посвященное С.А. Сионовой и ее статью, опубликованную в альманахе «Бунинские Озерки» в 2016 году.

От редакции

Юрий Макаров

ОЗЕРКИ

С.А. Сионовой

Люблю Озерки. Синева.
Сирени нежное цветенье.
И сокровенные слова,
И грусть, и радость, и волнение.
Здесь Бунин жил. И рядом с ним
Рышковы по соседству жили.
Дышали воздухом одним,
Мечтали, верили, любили.
И кажется, что вот, сейчас,
(По склону тропочка набита),
Пройдет, окинув взглядом нас,
Сама Рышкова Маргарита.
Она с писателем в родстве.
Муж Маргариты — князь Голицын —
Прах Бунина предаст земле
В чужом Париже за границей.

Как сложен мир и как он прост.
Что в их судьбе? Понять пытаюсь.
Ищу ответы на вопрос.
И на крылечко поднимаюсь.
Дом Бунина. И замер я.
Здесь все о нем напоминает.
И улыбаясь, и любя,
Меня Сионова встречает.
Она у нас буниновед,
Озерки любит и Польское.
Дела давно минувших лет
Ей дороги, как все родное.
Рышковы, Бунины. Звучат
Фамилии, всплывают лица.
А за окном весенний сад
И синева. И память длится.

Светлана Сионова

— кандидат филологических наук, доцент, лауреат Бунинской премии, директор дома-музея И.А. Бунина в деревне Озерки Становлянского района Липецкой области;

Елена Ляйрих

— дочь, помощник режиссера в Елецком драматическом театре.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ- НАРОДНИКИ ЕЛЕЦКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ЮЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Юлий Алексеевич Бунин, старший брат Ивана Алексеевича Бунина, оказал мощное влияние на становление личности и писательского таланта Ивана Алексеевича. Скромный, талантливый, получивший образование в Московском и Харьковском университетах, был увлекающейся натурой, интересной личностью, разделял взгляды революционеров-народников. Несколько неоднозначным является для него, на наш взгляд, увлечение народничеством. Откуда у него, по словам Веры Николаевны Буниной, «жизнерадостного, но быстро теряющегося при всяком несчастье» (1: 40), было желание переделать мир, сделать его добрее, радостнее? Возлагая надежды на народничество, Юлий Алексеевич был уверен, что он избрал вер-

ный путь в жизни. «В Бутырках и не думали, что их Юленька был знаком с этими революционерами (убившими государя. — С.С.) и что он совсем иначе переживал те жуткие дни в России» (1: 40). Так ли это?

Принадлежность к революционерам-народникам перевернула мир Буниных, стало несчастьем матери, отца, всей семьи. Судьба круто изменила жизнь Юлия Алексеевича. Интересным представляется решение вопроса: где, когда, как увлекся старший брат писателя идеями народников? Ответ следует искать не только в столице, где получал он высшее образование, но и дома, в Озерках, в Орловской губернии, где «хождение в народ» было повсеместно распространено. Удивительно, но факт, что в самой глубине России возросло это движение. Несомненно, Юлий Алексеевич впитал в себя те взгляды, которыми владели окружающие имение Буниных в Озерках помещики. Одним из первых был Николай Федорович Цвиллинев.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЦВИЛЕНЕВ.
ЛИЧНОСТЬ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ,
СОСЕД БУНИНЫХ
ПО ОЗЕРСКОМУ ИМЕНИЮ

Николай Федорович Цвилленев — помещик, сосед Чубаровых-Буниных по имению в деревне Озерки Елецкого уезда Орловской губернии. По образованию он врач, учился в Петербургской медико-хирургической академии. Судьба сложилась так, что этот состоятельный человек был увлечен революционной деятельностью. Насколько она была плодотворной, результативной, какова была конкретная деятельность его, трудно сказать. Но он был осужден и приговорен к десяти годам лишения свободы. Отбывал наказание в Сибири вместе с женой. Имел троих детей. Жена, одна из сестер Субботиных, разделяла взгляды мужа, была революционеркой-народоволкой, завещала себя похоронить на мужицком кладбище, что и было исполнено. Могила ее неизвестна, стерлась временем. Субботины были хорошо известны в округе, так как имение их было частью села Измалково, что в 20 километрах от Озерок.

Во время фольклорно-краеведческих экспедиций 1970 годов по бунинским местам, а именно в Озерках, часто упоминалась фамилия Цвилленева (произносилась она Синелев. — С.С.) как человека

уважаемого. По словам И.Н. Красова (1899 года рождения), жителя Бунино-Каменки, «он ребятенков учил грамоте вначале у себя дома, потом построили школу на его земле». Школа до сих пор стоит, успешно работает все в том же здании, которое возводилось при Цвилленеве. С фамилией «Синелев» мы встретились в Озерках в обиходной лексике: «Во-он сад большой, яблони, вишенник — это Синелев сад. А синель (сирень. — С.С.) у яго тоже была, да шиповник на валу. Мы там до сих пор яблоки рвем да вишни собираем», — рассказывала нам с Софьей Васильевной Красновой коренная жительница Озерок Наталья Красова (1920 года рождения) (2: 81–102).

Мы с Софьей Васильевной задумались над народной интерпретацией фамилии Цвилленев и предположили, что она происходит от слова «сирень», является «цветущей» фамилией. Интересно, что сам Иван Алексеевич Бунин задумывался над произношением этой фамилии. Он отмечал в своих фольклорных записях эту речевую особенность озерских крестьян: «И трудно должно быть мужикам. Не Цвилленев, а Синелев, Твиленев» (3: 410).

Озерская школа, попечителем которой был Н.Ф. Цвилленев, была открыта в 1892 году. Он слыл либералом, принимал горячее участие в земской деятельности. Являлся членом многих комиссий в Елецком уезде.

Н.Ф. Цвилленев сыграл не последнюю роль в судьбе бунинских Озерок.

Именно он купил у Алексея Николаевича Бунина (отца писателя. — С.С.) в 1892 году старинный дубовый дом на «слом», дом был разобран по бревнышку, он остался только в памяти писателя и воспроизведен в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

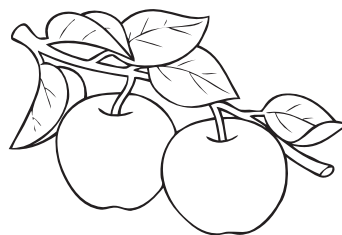
Имение Цвилленевых, жизнь зимней деревни с ее страданиями, горечью и сиюминутной, редкой радостью воспроизведены И.А. Буниным в одном из ранних рассказов «Танька» (1892), в котором автор запечатлел Николая Федоровича в колоритном образе Ивана Антоновича, деревенского барина, пожалевшего Таньку и доставившего ей минуты счастья. Помня отношение Цвилленева к детям, заботу о них, автор выделяет именно эту черту в личности своего героя. Рассказ не насыщен яркими событиями, он запечатлевает обыденность деревенской жизни, сложной голодной России 900 годов. В автобиографической заметке 1915 года Бунин писал: «...первый же рассказ (без заглавия) послал в “Русское богатство”, руководимое тогда Кривенко и Михайловским. Михайловский написал, что из меня выйдет “большой писатель”, и рассказ под чьим-то заглавием — “Деревенский эскиз” был напечатан <...>» (6: 530). Впоследствии рассказ получил название «Танька». Татьяна по тексту «Словаря русских личных имен» в переводе с греческого языка означает «устанавливать, определять, назначать». Именины 12

января (25 января по старому стилю) — можно сказать, вполне «зимнее имя» (4: 630).

Это художественное произведение имеет еще одну особенность: образу Ивана Антоновича приданы отдельные черты отца писателя — Алексея Николаевича Бунина, героическая юность которого всегда пленяла сына, удивляла своей романтичностью, идеальностью отношений между людьми. Художественный образ Ивана Антоновича получился жизненным, цельным, интересным в решении проблемы характеров «елецких помещиков», он является своеобразным дополнением к рассказам о «елецких помещиках», так талантливо изображенных писателем в рассказах о мелкопоместных дворянах из-под Ельца (см.: 5: 342-272, 372-388). Более широко и многогранно отражены образы помещиков, в том числе Н.Ф. Цвиленева, А.Н. Бунина, в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

Находясь на чужбине, писатель часто вспоминал об Озерках, их близком соседе по имению Цвилленеве: «Часов в 10 вечера ходил с М. (Маргой. — С.С.) и Г. (Галиной. — С.С.) запирать часовню. Лунная ночь, дивился, среди чего приходится жить — эти ночи, кипарисы, чей-то английский дом, горы, долины, море... А когда-то Озерки!» (6: 458-459). Дневниковые записи от 12 апреля 1940 года свидетельствуют о воспоминаниях

Бунина об озерской жизни: «Продолжаю просматривать “От. Записки” за 82 год <...> — все это читал тысячу лет тому назад в Озерках 15, 16 лет, с Юлием — все забыл, а оказалось, что помню кое-что чуть не наизусть. Дремучие, снежн. сумерки, Цвилленевская усадьба, где жил Евгений, эта девка (уже забыл, не помню имени)...» (6: 458). И в конце жизни безысходно звучит боль расставания с жизнью, родным домом, его окружением, природой, со всем, что было дорого и свято для Бунина всю жизнь.

ЛОГОФЕТ

Другой интересной личностью был Борис Борисович Логофет. Имение Логофетов когда-то принадлежало Чубаровым, родственникам матери писателя. Оно всегда покоряло своей поэтичностью, красотой, первозданностью, желанием возвратить его в свою семью. Дневниковые записи Бунина свидетельствуют о чувствах писателя: «3 октября (1917). Вчера в три часа с Колей в Осиновые Дворы (деревня, расположенная в нескольких километрах от логофетовской усадьбы. — С.С.). Скородное издали — какой-то рыже-бурый медведь. Ехали через Ремерский лес. Дубки все бронзовые. Сквозь него изумительный пруд, в одном месте в зеркало льется отражение совершенно золотое какого-то склоненного деревца. <...> Были в Польском (деревушке). Два совершенно синих пруда — сзади нас, как въезжали на гору — предвечернее солнце. Поразили живописность и уединение Логофетовой усадьбы. Сад, да и ближе деревья — главное рыже-бронзовое, бронзовое. Наше, родовое. Охватила мысль купить. Стекла горят серебряной слюдой, луч<езарными> звездами в доме, издали» (6: 383). «12 октября. Опять восхитила логофетовская усадьба. Только миновали дом, луна за дубами, горизонт под ней — розовый. Потом быстро ехали, светало, ветреная ночь. Приехали домой в семь» (6: 390).

Осиновые Дворы, Юдино — так стала называться логофетовская усадьба после ее продажи учителю Федору Ивановичу Юдину, располагавшаяся в пяти-семи километрах от Озерок. О жизни уже далекого времени, второй половине XIX века, сохранились воспоминания крестьян, записанные в фольклорно-краеведческих экспедициях 60–80 годов прошлого века. Интересными были воспоминания братьев Бекетовых, уроженцев однодворческой деревни Осиновые Дворы. Старший брат Василий Дмитриевич (1880 года рождения) сохранил в своей душе самые теплые воспоминания об Иване Алексеевиче. Познакомился он с Буниным в ночном, когда тот возвращался с охоты. Шел с Ромашковки с собаками, пешком. Бекетов был не охотник, близко познакомился с Иваном Алексеевичем, когда стерег лошадей, и показал ему стайку куропадок.

Бунин выстрелил удачно и после этого «так и привязался к нему». Писатель не проходил мимо, когда бывал в этих местах: «Был разов пять после охоты». Запомнилась особо значимая для крестьянина помощь Бунина. Он выручил его из беды. «Амбарушка совсем развалилась», и писатель попросил у Логофета леса для ремонта избы и амбара. После этого события писатель запросто заходил к Бекетову выпить молока, «а иногда и чай водили». Мужики удивлялись этой дружбе. На Кирики, престольный праздник, бывало, «увидит Бунин Бекетова в толпе, окликнет, приветствуя

его: “Василий!” — подойдет, пожмет руку. “Ого, с кем знаком, — скажут мужики, — с помещиком, это не так-то просто!”». У Логофета Иван Алексеевич был довольно часто, состояли они в дружбе. Часто Иван Алексеевич ночевал у соседа по имению. По словам Бекетова, Бунин — очень русский человек. Он не занимался политикой, в то время как Борис Борисович был народник.

Как вспоминал В.Д. Бекетов, в 1905 году он отдал землю (продал по льготным ценам) крестьянам Польского, Круглого и Осиновки (Осиновым Дворам. — С.С.). Сам Василий Дмитриевич был тесно связан с Логофетом, работал подпольно, возил революционную литературу: «Андрей Кожухов», «С нами ничего не поделаешь», «Невмоготу», брал для него эти книги в Ельце и распространял все по крестьянам. Это продолжалось с 1905 по 1909 годы. В Ельце получал их от Ростовцева и конторщика на лесном складе Щукина, Владыкина (студента). «У них брал революционные книжки. В 1904 году “зашел” в партию искровцев и впоследствии был выслан на 10 лет, а в ссылке пробыл 3,5 года. Логофет же был против царизма, но близок к эсерам. Он помер директором молочной фермы в Плотах, хотя сначала после революции работал в Ефремовском уезде по животноводству. Дом его в имении одного этажа, не очень большой. Все был холостым, а потом на Вере Дмитриевне Поповой женился, революционерке; жену его сослали за

политику, она была подпольщицей и в тюрьме сидела с Бухариным. Логофет любил народ». В семье Логофета были сестры: Евгения Борисовна и Лидия Борисовна, был сын Дима. «А жена его не дворянка, жила в Ельце на Песковатской улице. В революцию Логофет был на должности. Внешне русский, конопатый».

Федор Дмитриевич Бекетов (1884 года рождения), младший брат Василия Дмитриевича, дополнил рассказ старшего брата. Борис Борисович Логофет был богатый помещик, который по своим революционным взглядам отказался от земли, оставил себе лишь 100 десятин. Остальную землю передал крестьянам на льготных условиях.

Из подробного и обстоятельного рассказа нашего собеседника мы узнали, что Б.Б. Логофет был большим демократом не только во взглядах, но и во всей своей жизни, в быту. Отец его, Борис Маркович, проявлял жестокость к крестьянам, порол их. А мать, Екатерина Васильевна, была по профессии доктором. Борис Борисович Логофет в памяти Ф.Д. Бекетова остался как революционер, связанный со всеми прогрессивными личностями в округе, например, с «елецкой учительницей на Озерках, которая из города приносила ему журналы, прокламации, не боялась ходить по ночам с наганом».

По соседству с Логофетом жил помещик-крепостник Ремер, владелец села Знаменки, Жилого и других окружающих деревень. Сохранилась

легенда о его жестокости: он приказывал вскармливать породистых щенков со своей псарни женским грудным молоком.

По протекции Бунина Бекетовым «амбарушку» построили, где он пиво держал, «водчонкой» торговал и прятал запретные книги. Бунин, бывало, на крыльце амбара сядет с собаками: «“Давай из самовара выпьем вдвоем”. Пил со мной чай, он тоже любитель чая, пили и у Логофета. Борис Борисыч не наказывал, когда кто воровал, а Ремер не пускал даже в церковь».

Вспоминает Федор Дмитриевич и революционные песни, которые пели у Логофета: «Марсельеза», «Замучен тяжелой неволей», «По пыльной дороге телега несется», «Смело, товарищи, в ногу», «Дубинушка», тюремные песни, а «древние крестьяне сады наряжали и сейчас наряжают и поют старинные песни». «Наряжать сады» — это на языке нашего собеседника, «играть свадьбы, петь на них старинные величальные песни».

Ремер, Рышков, Бунин, Логофет бывали в Осиновых Дворах. Когда Ремер умер, то опекуном его имения и хозяйства стал Логофет, был им два года, до самой революции. Логофет работал и в Ельце в «Потребсоюзе».

Но не только в Осиновых Дворах надолго сохранилась память о Логофете. В деревне Воскресеновка от Семена Егоровича Иванова (1897 года рождения) услышали мы подлинный сказ о Борисе Борисовиче Логофете: «Борис Борисович Логофет был

социалист-народник. Он учился в Варшаве. И поскольку жизнь шла вперед, обозначились резкие противоречия, он осознал беду народа». Такое вступление к своему рассказу обнадеживало, мы ждали значительных подробностей. И не ошиблись. Его мать была крепостной Логофетов. Семен Егорович воспитывался у

Светлана Александровна
Сионова

помещиков, поэтому близко знал характер Бориса Борисовича. В памяти он остался как добрый человек: «На привет и собачка бежит». С семи или восьми годов начал верхом ездить на лошадях, кататься, потом возить солому и привык к труду. Так и жил у барина. В 1908 году стал стеречь скотину. Логофет приплачивал три рубля в месяц. Постепенно — выше, прибавлялась зарплата. В 1916 году ушел в армию из имения барина. Логофет помогал отцу скосить три десятины, «а тут непогода, рожь большими кучами проросла. Логофет отцу насыпал хлеба. Оказывалась большая помощь и другим крестьянам. Он болел за народ, так как был политическим. К нему в имение приезжали из Ельца подпольщики. Жена Логофета — дочь священника, сидела в тюрьме. Они сделали большое дело — гнет свели. Были обыски, не раз рисковал жизнью».

Однажды Семен Егорович, который отвозил почту на Становую, привез телеграмму, «пишут: “Боря, встречай гостей!”. Вскоре появились “гости”. Потребовали брошюры, “пузаны” стали шукать по чердакам и по шкапам. Ну, барин поугощал их, и они уехали». Допрашивали и Иванова, но он все скрывал. «Жена Логофета сидела в тюрьме в одиночке, сидела три года и ослепла, вышла из тюрьмы уже при Советской власти. Землю он распродал, себе оставил немного. Работники жили у него хорошо, даже чай давал: два фунта сахару и осьмушку чаю. В 1910 году Логофет

устроил коммуну. Собрались активисты, из политических, семей пятнадцать. Механик был из рабочих. Логофет руководил коммунной. Прошло два года. Все было распределено: кто за скотом ходит, кто косит, кто ведал пчелами. Питались так: дети в отдельной столовой (была кухня и поварская). У каждого была тарелка, ложка, кружка. Мужики были довольны. У жен же пошли ссоры. Тут были семейные дела. Рабочих порассчитали. Доходы все проедали. Через самопоедание и артель распалась, хотя Логофет сам работал, руководил как директор, имел канцелярию. Это была какая-то практика, опыт социалистического уклада еще в 1910 году. Земли оставил себе десятин двести, остальное распродал крестьянам через банк в рассрочку. Некоторые покупали по двадцать пять, по десять, меньше пяти десятин никто не покупал. Отец тоже хотел земельки купить. “Ты, Егор Андреевич, — сказал Логофет, — не гонись. Она скоро бесплатная будет”. А дело было в 1908 году. Отец все же взял пять десятин. Годов на пятьдесят в рассрочку. Логофету предлагали вступить в большевистскую партию, но он не вступал. Работал в Грунино по молочному делу ассистентом, а в Березовке в Ефремовском уезде был на племзаводе. Посяганий на него не было. В 1915 году продал и последнее имение Федору Ивановичу Юдину».

Из воспоминаний крестьян о Борисе Борисовиче Логофете становится понятно, что это был интересный человек, увлеченный пре-

образованиями в жизни народа, на практике применяющий новые идеи в крестьянской жизни. Новое время конца XIX — начала XX веков в России обозначалось идеями революционеров-народников. Примером мог служить Борис Борисович Логофет. Он отличался от своего отца Бориса Марковича, ведущего жизнь богатого помещика, своевольного барина-крепостника, устраивающего для себя «забавы». Федор Дмитриевич Бекетов вспоминал своего деда Афанасия, крепостного крестьянина Бориса Марковича Логофета, прожившего сто лет и сохранившего светлую память: «Старый Логофет, Борис Маркович, устроил свадьбу крестьян. Он выменял на жеребца распашонок, девок у Смоленске. (“Распашонки” были бойкие, пришлые из других губерний рабочие девки, которых покупали при крепостном праве. Они славились ловкостью и силой в работе; носили короткие кофты-распашонки, поэтому в народе получили прозвище “распашонки” и сами носившие их крестьянки.) У Лемера (Ремера) “распашонок” из Калуги и Смоленска было больше. Старики пришли к старому Логофету просить позволения женить сыновей. Он собрал двенадцать ребят и в деревне Круглое, около бунинских Озерок, женихов расставил с одной стороны, девок поставил с другого края. А ребятам приказал бежать “кто какую захватит”. Дед Афанасий облюбовал одну из “распашонок” и хотел ее захватить. Но — незадача: оборка (веревка, на

которой держались штаны) лопнула, холстинные штаны чуть не побежали, а круглянский жених настиг и захватил облюбованную Афанасием девку. Ему досталась кривая невеста. А кривая была плясуха, работать ловкая, и тем не менее дед всю жизнь вспоминал с горечью свою неудачу: “Чтоб тебе не сгнить, не могла оборку новую подвязать”, — говорил он о матери». Подобные «развлечения» старшего Логофета остались надолго в памяти жителей окружающих сел и деревень (8). Семья Логофетов оставила свой след в жизни Буниных. В статье «Происхождение моих рассказов» Иван Алексеевич Бунин отмечает: «Верстах в трех от нашей усадьбы, в сельце Озерки, в Елецком уезде, было имение, принадлежащее когда-то моей матери. <...> Я изредка бывал у него, был однажды лунным зимним вечером, в доме, освещенном только луною, — это почему-то всегда бывает неизвестно почему, — вспомнил какой-то момент этого вечера и все хотел что-то присочинить к нему, вставить его в какой-то рассказ...» (7: 570).

По воспоминаниям жены писателя, Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, запечатлевшей встречу с Борисом Борисовичем Логофетом, он предстает интересным во всех отношениях человеком: «Около нашей усадьбы мы встретили господина в брюках, засунутых в сапоги, в люстриновом пиджаке и белом картузе. Мои спутники с ним раскланялись и познакомили его со мной. Коля (Пушешников. — С.С.) пригласил его к

обеду. Это был помещик Борис Борисович Логофет, немного странный, замкнутый холостяк, хорошо игравший на рояле и очень левый по убеждениям» (1: 391). «Я слышу, как упрашивают Логофета сыграть на пьянино. Раздаются бетховенские звуки <...>» (1: 394).

Жизнь помещиков глубинной России не отличалась разнообразием: хозяйство, охота, личные интересы, семейные заботы — все это составляло естественный ход бытия. Но политическая атмосфера того времени, новые веяния необходимых преобразований дошли и до этого уголка России. Не случайно идеи революци-

онеров-народников прижились в нашем крае. Не могли они пройти мимо Юлия Бунина, потому что рядом жили Цвилиневы (практически вся семья: отец, мать, сын — все революционеры-народники), Борис Борисович Логофет, организатор первой коммуны в здешних местах, непосредственная связь с революционерами-народниками из Ельца, литература, прокламации, революционные песни — все это составляло неотъемлемую часть жизни того времени. Поэтому старший брат писателя, мягкий, необыкновенно добрый, глубоко порядочный человек впитал эти новые идеи и остался верен им до конца.

Список литературы:

1. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906: Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 507 с.
2. Краснова С.В., Сионова С.А. «...День мой догорел, но след мой в мире есть...» (И.А. Бунин): фольклорно-краеведческие материалы Елецкого региона в контексте изучения творчества И.А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. 288 с.
3. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. (Литературное наследство; Т. 84). 696 с.
4. Словарь личных имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. М.: Школа-пресс, 1995. 733 с.
5. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2: Произведения, 1887–1909. М.: Художественная литература, 1987. 510 с.
6. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статьи. М.: Художественная литература, 1988. 717 с.
7. Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. О Чехове; Дневники; Автобиографические заметки; Статьи и выступления, 1894–1913. М.: Московский рабочий, 2000. 668 с.
8. Сионова С.А. Личный архив. Записи 1967–1976 годов.

